

ВОСПОМИНАНИЯ О ГРИГОРОВЕ

Обращение к истории есть показатель культуры общества. Если связь времен прерывается, то постепенно исчезает представление о государстве как о национальном, культурном и политическом образовании.

Именно об этом я размышлял по дороге в Григорово (Григорково), обдумывая содержание моего короткого сообщения по поводу довольно узкой, на первый взгляд, темы — судьбы фамилии Лужиных и о тех замечательных деятелях русской культуры, которые в разное время были гостями этого гостеприимного дома.

В последующие времена, начиная с 1917 года, Григорово, как и все окрестные усадьбы, подверглось полному разорению. Не осталось и следа от усадебного дома. Церковь Нерукотворного Образа Спасителя (1825 г.)¹ — деревянная, дожила каким-то чудом до нашего времени без купольного завершения и колокольни, она, очевидно, ждет своего времени, чтобы получить надлежащий архитектурный образ как один из редких памятников не только Дмитровского района, но и Московской области.

Ландшафт этой усадьбы в целом сохранился мало, за исключением лиловых аллей, которые спускаются к прудам, опоясывающим старую усадьбу. По всей вероятности, пруды возникли на месте старых рвов и естественного рельефа с глубокими оврагами, окружающими усадьбу. При некотором воображении можно представить себе эту усадьбу-крепость в XVI столетии, когда она была во владении Шубиных и отдана в 1565 году в Троице-Сергиев монастырь².

Когда Лужины получили эту усадьбу, сведений нет, но они как ее владельцы упоминаются в разрядных книгах в конце XVII века³.

Красота некогда девственной природы, местами сохранившейся и поныне в Дмитровском крае, всегда притягивала меня. Почти полтора десятка лет я прожил в Деденеве в летнее время и, путешествуя по окрестностям, я исполнил цикл целого ряда картин, вдохновленный советами выдающегося русского историка Михаила Николаевича Тихомирова, который на одной из встреч сказал мне, что грех не заниматься историей Дмитровского края. Сам Михаил Николаевич в 1920-х годах жил в Дмитрове и, как он мне сказал, «в силу обстоятельств» провел там целый ряд интереснейших научных исследований. Его статьи были посвящены селам и деревням Дмитровского края в XV-XVII вв., которые вошли в сборник трудов по изучению Московской губернии.

В свое время в Дмитрове и его окрестностях побывал весь цвет Московского государственного университета — историки К.В.Сивков, С.В.Бахрушин, Б.Б.Кафенгауз, Г.А.Новицкий и многие другие в качестве гостей или влекомые темами своих научных исследований. Заметную роль в организации изучения Дмитровского края сыграл Михаил Сергеевич Померанцев — Директор Дмитровского краеведческого музея до 1937 года. С его внучатым племянником — историком Владимиром Сергеевичем Лаврентьевым я посетил М.С.Померанцева на исходе его жизни в августе 1956 года. Он вернулся из административной ссылки из города Александрова ослепшим и беспомощным стариком в свой родной дом (скончался в 1957 г.).

Существенной частью нашей культуры являлось и является изобразительное искусство. Оно раскрывает перед нами панораму жизни, насыщенную литературными, музыкальными ассоциациями и личными впечатлениями, насыщенными эстетическими представлениями об окружающем нас мире.

Григорово и его окрестности не могли не тронуть сердца художников, побывавших здесь в разное время. В первую очередь приходит на память имя Михаила Юрьевича Лермонтова, посетившего имение Лужиных в начале 1830-х гг. в пору его учебы в Петербургской школе гвардейских прaporщиков. Привлеченный рассказами своего соученика по школе Ивана Дмитриевича Лужина о красотах природы окрестностей Григорова, Михаил Юрьевич принял приглашение приехать, но, к сожалению, не осталось следа от его пребывания там ни в изобразительном, ни в поэтическом творчестве, кроме упоминания о поездке к Лужинам поэта Н.С.Мартыновым — убийцей Лермонтова — в записках, опубликованных в журнале «Русская старина», выходившем в Петербурге с 1870 года.

Заметный след в культурной жизни Григорова оставил пребывание здесь выдающегося русского художника Алексея Кондратьевича Саврасова в 1850 году по приглашению обер-полицмейстера Москвы и члена Художественного Совета Московского училища живописи и ваяния И.Д.Лужина. От этого периода жизни молодого художника, в преддверии выхода из училища, сохранилось два пейзажа — «Камень в лесу у Разлива» и «Вид на усадьбу Григорово»¹.

По этим двум натуальным этюдам трудно предугадать будущее выдающегося русского пейзажиста. Позднее, по общему справедливому утверждению ценителей изобразительного искусства, Саврасов стал основоположником русской пейзажной школы. Картина Саврасова «Грачи прилетели» стала для нас символом русского национального пейзажа.

В чем же глубокий смысл этой картины? Очевидно, в том, что художник, сам того не предполагая, вышел за пределы той ландшафтной протокольной живописи, которой следовали его предшественники. Он написал небывалое по настроению с привнесением своего индивидуального отношения к окружающему миру, насыщенное размышлением и различными ассоциациями полотно. «Грачи прилетели» — это не протокол существующего мотива, а всеобъемлющий образ русской природы с ее ха-

¹ Автор указывает дату, стоявшую сейчас на камне под алтарным окном церкви. Подробнее об истории церкви см. статью В.Н.Ясинской «Загадки домовой церкви». (Прим. ред.)

² Тихомиров М.Н. Московский край в его прошлом / Труды общества изучения Московской губернии. — Вып. 1. — М., 1928. — С. 21

³ Автор ошибается. А.М.Лужин купил эту усадьбу 25 апреля 1658 года — именно эта дата стоит в купчей. (Прим. ред.)

¹ Точное название картины: «Вид в окрестностях Москвы с двумя женскими фигурами». Подзаголовок: «Вид в имени И.Д.Лужина близ станции Влахернская». (Прим. ред.)

рактерными признаками весны. До появления на свет Саврасовских «Грачей» ни М.Н.Воробьев, ни С.Ф.Щедрин, ни К.И.Рабус, ни И.И.Шишкин не могли так полно и глубоко в своих произведениях раскрыть красоту русской природы.

Когда в 1980 году на Мясницкой на здании бывшего Московского училища живописи, ваяния и зодчества открывали мемориальную доску, посвященную 150-летию со дня рождения художника Саврасова, мой товарищ, художник Виктор Иванович Иванов, справедливо поправил очередного оратора из Министерства культуры ССР, назвавшего Саврасова последователем Шишкина. В связи с этим я должен был в свою очередь заметить, что при всем моем уважении к пейзажисту Шишкину не было никакой преемственности в творчестве двух разных по содержанию и принципиальному подходу к изображению природы художников. Шишкин был характерным представителем немецкой школы пейзажной живописи с ее объективным и педантическим списыванием природы, хотя выбираемые Шишкиным отдельные мотивы говорят об объективной ее красоте.

Судьба художника Саврасова оказалась трагичной по его собственной воле или, скорее, безволью. После «Грачей» ему не суждено было написать ни одного подобного произведения в результате разлагающего действия алкоголя. Он способен был лишь делать слабые повторения своего шедевра, которые продавал за бесценок на Сухаревском рынке. Современники часто видели его замерзающим в морозные зимние вечера у дверей трактиров и ночлежных домов, пока наконец не наступила печальная развязка жизни. Он, покинув свою первую семью, скончался 26 сентября 1897 года в Голицынской больнице (1-я Градская) на Большой Калужской улице и был похоронен 29 сентября на Баганьковском кладбище.

Тем не менее Алексей Кондратьевич Саврасов создал школу пейзажной живописи, которую прошли его непосредственные ученики: И.И.Левитан, С.А. и К.А.Коровины, С.И.Святославский, многие другие — целый ряд последователей его школы, как в дореволюционной, так и в послереволюционной России.

В настоящее время в стенах бывшего Московского училища живописи на Мясницкой функционирует Академия живописи, ваяния и зодчества как преемница лучших традиций школы изобразительного искусства. В ней, наряду с мастерскими портретной и исторической живописи, есть мастерская пейзажа, которая строит свою работу в направлении идей, заложенных некогда выдающимся русским пейзажистом Алексеем Кондратьевичем Саврасовым.

В дореволюционное время с окрестностями Григорова была связана жизнь великого русского писателя Льва Николаевича Толстого. С 1855 по 1897 год в Обольянове, имении друга Толстого Адама Васильевича Олсуфьева проходила плодотворная работа над произведениями «Смерть Ивана Ильича», «Ходите в свет, пока есть свет», «Хозяин и работник», романом «Воскресение» и трактатом «Что такое искусство».

Много времени Лев Николаевич уделял прогулкам по окрестностям, встречался с близкими ему знакомыми: Апраксинами в Ольгове, Милютиновыми в Щелкове, был в селе Языкове у владелицы хутора Е.В.Шориной, навещал своих родственников Волконских в селе Шуколове, проходя через Григорово по березовой аллее, посаженной еще И.Д.Лужиным. В последний раз Лев Николаевич Толстой проехал в санях

(у станции Влахернская), «Весна идет» (разлив реки Икши) и др.

Я застал еще художников, живших в этих местах, произведения которых были связаны с Григоровым и его окрестностями. Это были Борис Николаевич Яковлев, написавший картину «Березовая аллея (Григорово)», и Василий Васильевич Мешков, создавший целый цикл картин «Карелия». На самом же деле весь подготовительный этюдный материал для этого цикла был создан в деревне Парамоново в полутора километрах от Григорова. Это подтверждает сложный процесс создания картины, построенной на ассоциациях, возвращающих художника к давно пережитым моментам жизни. Я невольно стал свидетелем именно этого психологического состояния художника Бориса Николаевича Яковleva, идущего по аллее в Григорово и рыдающего при свете яркого осеннего солнца, приведшего его в отчаянное состояние. Яркий солнечный свет, возможно, напомнил ему угасание жизни близкого ему человека, в том числе и своей собственной. Скончался Борис Николаевич Яковлев после его короткого пребывания в Григорове в 1972 году.

¹ Эта аллея была принесена в жертву «развития сельского хозяйства». Она была уничтожена незадачливой администрацией колхоза «Борьба» в 1968 году.

Процесс ассоциативного восприятия мира и его участия в создании произведения искусства есть свойство глубоких и эмоциональных натура.

В заключение я еще раз хотел бы возвратиться в далекое прошлое и воскресить в памяти тех, кто имел прямое отношение к Лужиным.

60 с лишним лет тому назад я познакомился в школе, в начальных классах, с мальчиком, который носил фамилию Лужин. Его фамилия мне ни о чем не говорила. Он вызывал у меня чувство уважения необыкновенной воспитанностью, тактичностью поведения и исключительными способностями в учебе по всем предметам. Жили мы на одной улице, но семьями никогда не общались, может быть, потому, что он был болезненным ребенком, постоянно избегающим больших физических нагрузок в борьбе и кулачных боях. Его мама, понимая болезненное состояние своего сына — Люсика, так звали его в семье и школе, не выпускала его гулять со сверстниками, и большую часть времени он проводил дома за книгами.

Время начальной школы быстро прошло, а вслед за этим наступила Великая Отечественная война.

Пути наши разошлись еще раньше. В 1939 году я перешел в только что открывшуюся Московскую среднюю художественную школу и вскоре со школой уехал в эвакуацию на Южный Урал.

После окончания войны мне довелось встретить Люсика на той же Полянке в 1946 году. Мы узнали друг друга. Встреча была радостной, но непродолжительной. Несходство профессиональных интересов развело нас навсегда. Передо мной в форменной тужурке Московского института инженеров транспорта стоял Люсик с тем же болезненным лицом. На мой вопрос, почему он выбрал профессию железнодорожника, хотя в юности проявлял удивительные способности в области истории и литературы, он однозначно ответил, что им овладело стремление к постоянному движению.

Очевидно произошел перевес в симпатиях к точным наукам в русле ускоренного индустриального развития государства в послевоенное время. С тех пор я не встречал ни Люсика, ни его родителей. Исчез их дом №12 вместе с усадебными домами по Большой Полянке в 1971 году. На этом месте сейчас проходит автомобильная трасса, и вдогонку пересекающим Большую Полянку машинам статуя стоящего Георгия Димитрова показывает кулак.

В свое время мне рассказывала мама, что отец Люсика происходил из старинной дворянской семьи и его дед владел подмосковной усадьбой Григорово.

Существует ли в настоящее время эта фамилия, может выяснить только следующее поколение исследователей — если было суждено в свое время продолжиться роду Лужиных.

